

УДК 109.01

В.В. РОЗАНОВ: ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО КАК ФИЛОСОФСКИЙ АРГУМЕНТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н.М. МУРАДОВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: muradova@bsu.edu.ru*

Статья посвящена анализу феномена жизнетворчества, как особого способа духовного бытия человека, в котором интуиция, переживание и понимание синтезируются в метод философского постижения жизни, смыслом которой становится творчество художника-творца.

В статье делается акцент на самопознание, предполагающее совпадение двух процессов: осмысления жизни и её проживания. Автор рассматривает изобретенный В. Розановым (нач. XX в.) литературный жанр как оригинальный пример русского неклассического философского мышления.

Ключевые слова: самопознание, интуиция, целостность, жизнетворчество, повседневность, дискурс, диалог, экзистенция, неклассическая философия.

*«...иногда мне кажется, что во мне происходит разложение литературы, са-
мого существа ея. И, может быть, это есть мое мировое «emploi»...»¹*

А.Ф. Лосев важнейшую особенность русской философии определяет как интуитивное, мистическое познание (сознание) сущего, предполагающее связь философии с жизнью, представленную в различных формах текста. Основопологающим началом этого процесса становится художественная литература, которая «является кладезем самобытной русской философии. В прозаических сочинениях... часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме...»². В этих двух положениях наблюдается противоречие, ибо «практическая» ориентация формы на «мистическое постижение» жизни довольно сложно сочетаемы между собой. Но именно в этом сочетании – «узел» русского философствования, его суть.

Для русской философии, совпадающей в своем генетическом развитии с русской литературой, имманентна идея целостности, соединения творческого процесса с самопознанием творца. Это предполагает минимализацию дистанции между **проживанием** и **осмыслением жизни**, что было свойственно всем философствующим личностям России XIX столетия. Одной из форм проявления такого рода целостности становится феномен жизнетворчества.

Жизнетворчество – центральное понятие русской неклассической философии. Термин возник в Серебряном веке³, у символистов «младшего поколения» (впервые А.Белый⁴ вводит понятие в тексты, вошедшие в сборник «Эпопея «Москва» »/1923-1925гг.). Не имея аналогов в классической мысли, это понятие расширяет возможности рефлексии как бы изнутри самой жизни, из глубин того самого мистического сознания, о котором писал А. Лосев. Жизнетворчество – наиболее близко к немецкому понятию жизненного мира, который исследуется с точки зрения его природы как «внешней» *сущности* (по отношению к действующему субъекту) и с позиции *творческого акта*, деятельного участия личности в преобразовании жизненного процесса. Философия в таком слу-

¹ Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. – С. 206.

² Лосев А.Ф., Введенский А.И., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Ур. Ун-та, 1991. – С.71.

³ Ронен Омри. Серебряный век как умысел и вымысел // Материалы и исследования по истории русской культуры. М., 2000. – Вып. 4.

⁴ Белый А. Московский чужак. Проза. // Часть первая первого тома эпопеи «Москва». М., 1990. – С. 135.

чае становится неотъемлемой частью духовного развития личности, способом постижения действительности, выходящим за рамки его жизни. Она включена непосредственно в контекст познания жизненного мира личности. Философия жизнотворчества – совершенно особый способ духовного бытия человека, в котором *интуиция, переживание и понимание* синтезируются в метод философского постижения жизни, смыслом которой становится *творчество художника-творца*.

Русские философы первой половины XX в., в особенности В.В. Розанов, предложили собственную версию творческого бытия человека как личности. *«Самотворчество – превращение себя в произведение искусства...», тяга человека к творчеству своей жизни – «человеческое самостроительство»*⁵. Неклассическая философия всегда человекосоразмерна; по сути, классическую философию всегда интересовала сущность, а неклассическую – существование и единичность человека. И, безусловно, внутренне все эти философии мало похожи друг на друга и имеют специфику, лежащую в основании философской дифференциации.

Для Розанова, как представителя неклассического типа философствования, *жизнотворчество* сливается с понятием *повседневности*; он осуществил исторически первое в русской философии «оправдание» повседневности, придав ей онтологический статус. Розанов представляет ее как источник духовного опыта человека, как основание для нового способа осмысления бытия. Реабилитируя подобным образом живого человека, «обыденного», который любит свою семью, свой дом, философ сам нарочито становится в позу обывателя. Ограничиваясь специально интересами частной жизни, Розанов вступает в полемику, упрекает тех, кто живет «общественными идеалами». Таким образом, он творит из самого «Розанова», «не может ни выскочить, ни разрушить «Розанова».

Философия Розанова выступает в качестве уникального и самобытного явления, как для начала, так и для конца XX века. Мало кто, как русские философы Серебряного века в целом, и В.В.Розанов в частности, были способны почувствовать человека не только в его экзистенции, но и многообразных нюансах повседневной жизни или, говоря словами В.Шкловского «внутри частной темы».

В своё время А.Блок писал: «Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни... Художник должен быть немного (а может быть, и много) дикарем. Искусство, мирно сожительствоющее с прогрессом, цивилизацией — ремесло» (статья «Интеллигенция и Революция» 1918г.). Развивая эти идеи, В.В. Розанов пришел к заключению: «Я ценю людей не за цельность, а за размах совмещающихся в них антиномий». При этом он саму цельность трактовал как сложное противоречивое единство нередко взаимоисключающих сторон личности художника. Таким образом, сама природа творчества, можно сказать, «навязывает» художнику в жизни девиантные формы поведения. Жизнь же в свою очередь, по Розановскому примеру, выступает как провокация к творчеству.

Текст становится новой концепцией жизни:

- текст конструирует реальность;
- «текст пишется, а не я его веду» (живет по законам языка *сам*).

В русской литературе совершенно новый по содержанию и форме жанр, пограничный между художественной литературой, антрополого-психологическими этюдами и социально-философскими размышлениями представил В.В.Розанов.

Розановская рукопись – синоним естественности и человеческой близости, ценность которых он описывал почти в каждой своей работе. «Всякое движение души у меня сопровождается выговариванием. И всякое выговаривание я хочу непременно записать. Это – инстинкт. Не из такого ли инстинкта родилась литература?»⁶.

«Выговаривая» свои душевные переживания, Розанов старается «уловить» их у других, в самой природе. Причем это отнюдь не литературный прием, а способ существования Розанова в мире и его душевного отношения к нему в той мере, в какой мир затрагивает душу. Второй смысл рукописности – это интимность. Форму своих писаний Розанов сравнивает с музыкой: «Секрет писательства заключается в вечной и *невольной* му-

⁵ Шелер М. Избранные произведения. – М.: «Гнозис», 1994. – С.156.

⁶ Розанов В. В. Уединенное. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. – С. 277.

зыка в душе. Если ее нет, человек может только «сделать из себя писателя». Но он не писатель...»⁷. Ф.М.Достоевский во многом повлиял на Розанова, подсказав и идею об общности писателя и читателя через чувство «интимного», «ощущение общего тона в душе, музыки души...».

Однако, реальным наставником, человеком, сыгравшим большую роль в творческом развитии Розанова, стал Н.Н. Страхов. Страхов был тем, кто направил Розанова к тому своеобразному «литературно-философскому» жанру, в котором последний смог проявить свой настоящий талант (в 1888 г). Страхов пишет Розанову: «Ваш особенный дар – большая нравственная чуткость. ... Думаю, что Вам нужно в эту сторону направить свои писания»⁸.

Василий Васильевич последовал совету человека, в котором угадал и настоящего друга, и настоящего учителя, и действительно проявил в своих лучших книгах именно чуткость к интимным вопросам человеческого существования, которая яснее всего выражает себя не в пространных трактатах, не в прочно связанных рассуждениях, а во внимании к «мимолетному», в художественно точных «зарисовках», в которых угадываются трагические узоры человеческой жизни. Тем более что на дворе был «серебряный век», о котором Розанов писал: «Замутился, помутился вкус, родник оценок». Эволюция взглядов Розанова – это сознательное движение от «философии понимания» до «философии жизни». В своем исследовании человека, Розанов коснулся тех глубин, которые были не замечены или проигнорированы другими, а именно: интимное, тайное.

Известный публицист, философ, «розановед» Дмитрий Галковский начинал свой «Бесконечный тупик» такими словами: «Пишущий о Розанове постоянно находится перед соблазном двух крайностей: крайности «отстранения» и крайности «растворения»...»⁹. Легко истолковать смысл подобной оппозиции, обратившись к другому наблюдению В. Зеньковского: «Он (Розанов) покоряет своего читателя прежде всего этой непосредственностью, порой «обнаженностью» своих мыслей, которые не прячутся за слова, не ищут в словах прикрытия их сути»¹⁰. Розанов, действительно, поражает читателя и вместе с тем провоцирует к некому сотворчеству, полному погружению внутрь темы.

Реальные коллизии жизни В.В.Розанова породили его «интимную философию»; личная жизнь становится поводом для размышлений о глобальных философских вопросах. В.В. Розанов во всём творчестве выступает как адвокат естественной морали «живой жизни».

«Живая жизнь» (синоним частной) рассматривается Розановым как целостность или узел, в который Бог связал концы всех вещей и который невозможно ни распутать, ни разрубить, сохранив живым. Таким образом, живая жизнь вбирает в себя все феномены бытия. Жизнь не нужно усложнять искусственными рациональными построениями («семью нельзя рационально построить»), – это лишь мешает нормальному ходу событий, считает философ. Жизнь нужно любить, а жить надо успевать; жить по универсальному моральному императиву «должное пусть *остается* должным». Руководствуясь принципом, сформулированным в работе «О понимании»: «что вверху, то и внизу», и исходя из его обратимости, Розанов представляет и объективный мир, и субъективный мир в виде прекрасной симфонии.

Настрой души на гармонию мира не терпит грубого вмешательства холодной логики, тем более идеологических установок, и вступает в противоборство с любыми попытками нарушить ее «музыкально-гармонический лад» – ее мелодию жизни, которую

⁷ Розанов В. В. Собр. соч.: Сахарна. М., 1998. – С. 272. («И я вовсе не все сплошь абсолютно записываю, а лишь тогда и то, что попадает на какую-то странную во мне таинственную музыку, сущности которой я совершенно не знаю, но которая заключается в чем-то приятно текущем во мне, что меня успокаивает, от чего мне хорошо, от чего мне гармонично. От чего мне в сущности *мелодично*. Вот нашел слово и, пожалуй, разгадку. Дупа моя *мелодически* сложена, ей *поется*, – но глухим, безмолвным пением. Разве бы я мог столько написать (невообразимо), если бы не эта тайна *мелодичности*. При которой, – раз слова попали на эту нить, музыку, – я только «записываю», а слова безусловно и все уже сами рождаются»).

⁸ Из письма Н.Н.Страхова от 18 марта 1888 года // В.В.Розанов. Литературные изгнанники. Собр. Соч. под общей ред. А.Н.Николюкина – М.: «Республика», 2001. – С.10.

⁹ Галковский Д. Бесконечный тупик. М., 1998. – С. 1.

¹⁰ Зеньковский В.В. История русской философии. СПб, 1991. Т. 1, Ч. 2. – С. 266.

не конструкты Гегеля установили, а шум листьев и полное звуков молчание семейного дома. «Шумит ветер в полночь и несет листья... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полу мысли, полу чувства... Которые, будучи звуковыми отрывками, имеют ту значительность, что «сошли» прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья – без всего постороннего... Просто – «душа живет»¹¹.

Отсюда обращение его не столько к разуму, который в силу своей специфики стремится превратить объект в предмет, сколько к душе, выступающей у него как особый, исходный пласт человеческого сознания, как живая взаимосвязь влечений, переживаний, сил, способностей, созвучных гармонии мира. При этом критерием душевных излияний является не холодная бесстрастная истина, а единственно – искренность повествователя, готовность к диалогичности – то есть расширению пространства понимания до Читателя – Другого. Этому служат его откровения, где, когда и по какому поводу ему «пришло на ум» то или иное свидетельство души. Это делается для опровержения, как он пишет, фундаментальной идеи сенсуализма: *nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu* (ничего нет в интеллекте, чего бы не было в чувствах – лат.). Конечно, жизнь души и работа разума соприкасаются, отталкиваются, противодействуют друг другу, совмещаются, но лишь в некоторой части. Такой подход является элементом неклассического философствования, отличного от рационального, доминирующего в западной мысли, когда рефлексия выступает необходимым условием познания окружающего мира, не выходящим за логические и объектные основания.

Русская философская мысль, развивавшаяся не только на немецкой, но и на греко-православных традициях, в свою очередь во многом заимствованных у античности, кладет в основание всего Логос. Ratio есть человеческое свойство и особенность; Логос метафизичен и божествен. «Если мы захотим, подводя итог сказанному, как можно короче охарактеризовать внешнюю и внутреннюю сущность самобытной русской философии, то можно это сделать следующей фразой. Русская самобытная философия представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным ratio и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом»¹².

Одной из причин такой оппозиции, по мысли С.М. Климовой, стало то, что «русская мысль оказалась в пограничной зоне одновременного общения различных исторически определенных форм разумения. Это значит, что *рационализм* воспринимался ими уже не как главный принцип анализа, а как один из приемов изучения тех или иных процессов, наряду с другими, может быть и диаметрально противоположными. Не менее важно, что отношения, оказались организованы по типу диалогических и в таком «виде» были включены в состав органической переходности. Это был имманентный обстоятельствам и новым идеям органический переход, «трансформация логики мышления («трандукция») в форму *разума культуры, логики культуры*, или иначе ... актуализация бесконечно-возможного бытия в план *произведения*». *Произведение становится результатом бесконечного диалогизирования* многообразных способов мышления как внутри одного текста, так и между самыми разными позициями и подходами»¹³. Поэтому мечта и реальность вполне мирно уживаются в русском литературном тексте: философском, биографическом, художественно-поэтическом или религиозном.

Каждый писатель и воспитатель душ человеческих должен и может научиться слушать и слышать, видеть и распознавать движения души, считает Розанов. Но этого мало, писатель, если он настоящий писатель, должен уметь передать это другим. «Стилистические формы поэзии суть одновременно стилистические формы личной жизни» — так подытожил свои наблюдения о судьбах художников, рассыпанных по разным эпохам, Г.О. Винокур¹⁴. В его новаторском произведении «Биография и культура» утверждается взгляд на личную жизнь как на своеобразную сферу творчества. Строительство самого

¹¹ Розанов В. В. Уединенное. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. – С. 195.

¹² Лосев А.Ф., Введенский А.И., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Ур. Ун-та, 1991. –С. 74.

¹³ Климова С.М. На пороге диалогии культуры (на примере философских исканий Н.Н. Страхова) Вопросы философии, – 2010. №5.(с. 115-124) – С. 116.

¹⁴ Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. — М.: Русские словари, 1997. — С. 26

себя — трудный, не всякому подвластный творческий акт. Более того, в истории нередки случаи, когда важнее оказывается именно то, каким человек был, нежели то, что ему удалось создать.

Когда литературный текст создан, он приобретает надличностное, объективное бытие; все его важнейшие смыслы мы можем вычерпать, не выходя за его пределы. Вместе с тем, если мы зададимся вопросами: почему в произведениях преобладает и варьируется определенный образный строй, чем объяснить неожиданные изменения стиля; большие перемены в творчестве; как совмещались у данного автора его призвание и способности, — нам не избежать обращения к житейским подробностям и деталям характера художника, его интеллектуальной эволюции, среде общения и формам досуга, способом конструировать и одновременно проживать свою жизнь — то есть понять механику жизнетворчества. М. Мамардашвили отмечал: «Мы философствуем в той мере, в какой пытаемся выяснить условия, при которых мысль может состояться как состояние живого сознания...»¹⁵.

Всё чаще говорится о необходимости создания целостного «экзистенциально-антропологического подхода» в гносеологии. Вполне обоснованно можно утверждать, что такой подход в начале 20-го века начал осуществлять в своей философии В.Розанов, используя наиболее интимный, им же изобретенный жанр русской литературы, для утверждения новой философии жизни (частной) человека. Поскольку для грамотного изучения «обыденного человека» прежние познавательные установки не подходили, В.В.Розанов стал применять новые способы познания человека и его бытия. Его методология оказалась в итоге очень близкой той, которая сформировалась в *неклассической гносеологии* конца XX-го века.

Список литературы

1. Белый А. Московский чудак. Проза. // Часть первая первого тома эпопеи «Москва». М.:1990г. — 528 с.
2. Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. — М.: Русские словари, 1997. — 186 с.
3. Галковский Д. Бесконечный тупик. М., 1998. — 708 с.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. СПб, 1991. Т. 1, Ч. 2. — 178 с.
5. Климова С.М. На пороге диалогии культуры (на примере философских исканий Н.Н. Страхова) Вопросы философии, — 2010. №5 (с. 115-124). — 195 с.
6. Лосев А.Ф., Введенский А.И., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Ур. Ун-та, 1991. — 592 с.
7. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию // Избр. ст., докл., выступ., интервью. — М.: Прогресс, 1990. — 366 с.
8. Розанов В. В. Собр. соч.: Сахарна. М., 1998. — 542 с.
9. Розанов В.В. Литературные изгнанники. Собр. Соч. под общей ред. А.Н.Николюкина — М.: «Республика», 2001. — 734 с.
10. Розанов В.В. Уединенное. М.: ЛИРА. Соч.: Т.2, 1990. — 395 с.
11. Ронен Омри. Серебряный век как умысел и вымысел // Материалы и исследования по истории русской культуры. М., 2000. — Вып. 4
12. Шелер М. Избранные произведения. — М.: «Гнозис», 1994. — 490 с.

V.V. ROZANOV: LIFE AND CREATION AS A PHILOSOPHICAL ARGUMENT OF THE RUSSIAN LITERATURE

N.M. MURADOVA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: muradova@bsu.edu.ru

The article discusses the phenomenon of life as creation, as a specific means of spiritual being of humans, in which intuition, affection and understanding are synthesized into the method of philosophical cognition of life enabling the creation as a meaning of artist's life. The author emphasizes self-cognition which contains two processes: understanding of life and living. The article observes Rosanov's literary genre as an original example of Russian non-classical philosophical thinking.

Key words: self-cognition, intuition, wholeness, life as creation, everyday life, discourse, dialogue, existence, non-classical philosophy.

¹⁵ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию // Избр. ст., докл., выступ., интервью. — М.: Прогресс, 1990. — С. 154